

Башкы: обращение, наставничество и социальные отношения

Чимиза К. Ламажаа, Адия Т. Каиржанова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье представлен комплексный анализ традиции «башкы» в тувинской культуре. «Башкы» рассматривается как концепт культуры, то есть анализируется с трех сторон: 1) термин тувинского языка, 2) его многоаспектное смысловое наполнение, 3) социально-регулирующая функция концепта. Таким образом исследуется то, что тувинцы произносят, о чем думают и чем руководствуются в поступках.

Этимология слова показывает нам наличие культурных корней из китайской традиции наставничества. История традиции также связана с буддийским пониманием и почитанием учителей. Традиция наставничества адаптировалась к тувинской культуре, религиозное понятие буддийского учителя было перенесено на все просвещение, распространилось в фольклоре. Понятие также привнесло новый аспект социальных отношений между людьми, стремящихся в новым знаниям, появились отношения учителя и ученика вне традиционных социальных ролей в обществе.

В советское время термин «башкы» использовался только в сфере профессиональной педагогической деятельности, означал учителей. Эта трактовка продолжает сохраняться и ныне. Тем не менее исконные смыслы слова «башкы» также остаются в тувинском языке и не только в языке. Об этом говорят нам многочисленные примеры использования обращения «башкы» у тувинцев на протяжении всего XX века и до сегодняшнего дня.

Активно используя обращение «башкы», тувинцы показывают принятие идеи социальной иерархии в направлении строго снизу (от ученика) — вверх (к учителю) в формате добровольного признания его статуса, выражения его превосходства, интеллектуального и духовно-морального.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; башкы; тувинский язык; концепт культуры; этнопедагогика; наставник; тувинская культура

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Каиржанова А. Т. Башкы: обращение, наставничество и социальные отношения // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 5-25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.1>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, приглашенный профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Каиржанова Адия Тасболатовна — докторант кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: kairzhanova16@gmail.com

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Visiting Professor, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID: 0000-0003-1813-3605

KAIRZHANOVA, Adiya Tasbolatovna, Doctoral Student, Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: kairzhanova16@gmail.com

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

Article

***Bashky:*
addressing, mentoring, and social relations****Chimiza K. Lamazhaa, Adiya T. Kairzhanova***Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan*

The article provides a comprehensive analysis of the tradition of “bashky” in Tuvan culture. “Bashky” is examined as a cultural concept from three perspectives: (1) its meaning as a term in the Tuvan language, (2) its multifaceted semantic content, and (3) its socially regulatory function. This approach investigates what Tuvans articulate, think about, and are guided by in their actions.

The etymology of the word reveals cultural roots in the Chinese tradition of mentorship. The history of this tradition is also linked to the Buddhist understanding and veneration of teachers. Mentorship as a tradition adapted to Tuvan culture, transferring the religious notion of a Buddhist teacher to general education, and became embedded in folklore. The concept also introduced a new dimension to social relations, fostering teacher-student dynamics beyond traditional societal roles.

During the Soviet era, the term “bashky” was primarily used in the context of professional pedagogical activity and referred to teachers. This interpretation persists to this day. However, the original meanings of the word “bashky” have been preserved in the Tuvan language and beyond. Numerous examples of the use of the term “bashky” by Tuvans throughout the 20th century and into the present confirm this continuity.

Tuvans actively use the term “bashky” as a form of address, signifying their acceptance of a hierarchical social structure. This hierarchy moves strictly upward — from the student to the teacher — in the form of voluntary recognition of the teacher’s status and expression of their intellectual and moral-spiritual superiority.

Keywords: Tuva; Tuvans; bashky; Tuvan language; cultural concept; ethnopedagogy; mentor; Tuvan culture

For citation:

Lamazhaa Ch. K. and Kairzhanova A. T. *Bashky: addressing, mentoring, and social relations. New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 5-25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.1>

Введение

В повседневной жизни религиозных, образовательных, научных учреждений Тувы одним из часто звучащих слов является обращение по-тувински *башкы*. Так называют лам; учителей разных образовательных учреждений, ученых, абсолютное большинство которых также преподают, выступают с лекциями; а также наставников в любой сфере. Обращение *башкы* чаще всего произносят тувинцы, адресуя его тувинским учителям, но нередко и к русским. Оно заменяет обращение по имени и отчеству, и присутствует повсеместно там, где есть отношения «учитель/наставник — ученик», подчеркивая иерархию позиций, отношений. Нам уже приходилось писать об этом, анализируя особенности и проблемы социальных отношений в науке и образовании республики (Тува: Родная ... , 2023: 31–35).

Обращение *башкы* и соответствующая традиция его почитания имеют длительную историю, о чем нам говорит широкое присутствие слова в тувинском фольклоре (см.: Ооржак, 2019: 43). На

протяжении XX в. учителям *башкы* посвящали произведения тувинские писатели, поэты¹. Помимо простого обращения *башкы* (от ученика — к наставнику) есть и понятие *Улуг башкы*, которым старшего педагога называют тоже педагоги — его собственные ученики, коллеги, последователи². В среде тувинских педагогов также известен научно-популярный и методический журнал «Башкы», который начал издаваться в 1993 г.³

Несмотря на эти очевидные свидетельства того, насколько важна в тувинской культуре до сих пор традиция *башкы*, тем не менее удивительным образом тувиноведение до сих пор обходило ее вниманием. Лишь несколько лет назад на термин обратили внимание филологи (Ооржак, 2019; Бурькин, 2020; и др.⁴). В том числе они упомянули о экстралингвистических факторах использования слова *башкы*, однако, в силу своей специализации не углублялись в эту тему.

Мы подчеркнем, что *башкы* — не просто обращение к учителю, не просто слово, означающее учителя, наставника; за этим словом стоит целая традиция, имеющая свою историю и подразумевающая понимание тувинцами определенной социальной иерархии и соответствующих социальных отношений. Поэтому недостаточно разбора одного термина языка как формы обращения, именованного статуса, квалификации. *Башкы* следует рассмотреть как социокультурное явление, как концепт культуры, то есть как одну из важнейших идей тувинской культуры, которая имеет не просто богатство форм, в том числе словоформ, но и диалектически связана с человеческой активностью (Ламажаа, 2023: 16), а значит должна изучаться и как составляющая социокультурных практик.

Поэтому целью данной статьи будет комплексный анализ традиции *башкы* в тувинской культуре, который мы рассматриваем как концепт культуры. В обсуждении мы учитываем: 1) то, что имеем дело с термином тувинского языка, то есть будем обсуждать словоформу концепта, 2) что этот термин характеризуется многоаспектным смысловым наполнением, содержание которого требует категоризации (т. е. мы говорим и об идее концепта), а также то, что, 3) руководствуясь определенными идеями, люди опираются на них как на социальные регуляторы и ведут себя определенным образом (Ламажаа, 2023). То есть, разбирая традицию как концепт культуры, мы анализируем то, что тувинцы произносят, о чем думают и чем руководствуются в поступках. Соответственно такое исследование подразумевает применение методов разных научных дисциплин (филологии, истории, педагогики, антропологии и пр.), а также привлечение материалов родственных культур с тувинской, в которых есть и близкая терминология, и схожие традиции.

В качестве источников для нас выступили, помимо наблюдений за социокультурной жизнью современных тувинцев, также: словари; научная и художественная литература; тексты фольклора, тексты средств массовой информации, а также мнения наших коллег, занимающихся педагогической деятельностью в образовательных учреждениях Тувы.

Истоки традиции почитания учителя

Словоформой концепта, как мы сказали, уже заинтересовались филологи. Этот аспект интересно разобрала в своей статье С. С. Ооржак (Ооржак, 2019), ссылаясь на работы тюркологов. Добавим к этим заключениям и ряд дополнительных тезисов из других работ.

Этимология слова *башкы* ‘учитель, преподаватель, педагог; наставник (а также форма обращения к учителям, преподавателям)’, как установил Б. И. Татаринцев, восходит к древнетюркским, в основном древнеуйгурским памятникам X–XIII вв., где оно отмечается как *bagši* (Татаринцев, 2000: 201–202).

¹ Напр.: Чадамба Л. Башкы [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/8013> (дата обращения: 15.09.2024); Ооржак М. Верлиблер. Башкым Э. Б. Мижитке // Антология тувинской поэзии. Литературно-художественное издание. Кызыл, 2014. С. 442.

² Селиверстова Г. М. Улуг башкы // Вестник Тувинского государственного университета. 2013, № 4. С. 174.

³ Сат Ю. Журнал «Башкы». Миссия просвещения [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2023, 5 февраля. URL: <https://tuvappravda.ru/novosti/zhurnal-bashky-missiya-prosveshheniya/> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴ Напр.: Монгуш Ш. В., Матпай-оол А. С. Концепт башкы ‘учитель’ в тувинском языке // Научные труды Тувинского государственного университета: Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов Тувинского государственного университета, посвященной Году педагога и наставника в Российской Федерации, Году народной сплоченности в Республике Тыва, Кызыл, 28 октября 2023 года. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2023. С. 131–133.

При этом авторитетный тюрколог подчеркивает, что в древнеуйгурском языке слово оказалось заимствованием средневековой китайской формы слова, состоящей из компонентов ‘знающий’ и ‘ученый’ (там же: 202). А. Н. Кононов привел следующую транскрипцию этого китайского слова — *pâk-sî* (Кононов, 1958: 93), правда упоминая, что сторонников «китайской» версии происхождения термина — меньшинство.

В тувинском языке, пишет Татаринцев, корневое *бакши* претерпело метатезу (перестановку слогов) *киш* > *шк*¹. Тем не менее, автор не исключил сближение со словом *баш* ‘голова’, *башкы* ‘первый (по счету), передний (головной)’ (Татаринцев, 2000: 202).

Подобное слово, означающее учителя, наставника, есть и в других тюркских языках, но в основном в его исходной форме: в якутском языке *баксы/бахсы* является частью сложного эпического имени одного из богов *Кыдай бахсы*, в монгольском — *баги* ‘учитель, наставник, преподаватель’ (там же). В казахском языке *баксы* трактуется прежде всего как ‘шаман, знахарь’ (Турсунов, 1999: 61) — тот, кто в тувинском языке именуется *хам* ‘шаман’. Однако есть и значения ‘учитель, наставник’ как заимствование через посредство монгольского языка (там же: 62).

Если опираться на мнение специалистов о китайском происхождении термина, то вырисовывается интересная траектория появления и развития традиции в тюркском (а также монгольском) культурном мире, в частности в Туве и того нового, которое она привнесла в социальные отношения населения региона. Для того, чтобы обозначить эту траекторию, обратимся к тому, что стоит за этой словоформой, то есть к идее концепта.

А она восходит в традициям учителей, наставничества в Китае.

Научная мысль, в частности синология, достаточно подробно изучила такую традицию китайской культуры как наставничество, которая, как утверждается, восходит к идеям первого профессионального учителя, древнего мыслителя VI–V вв. до н. э. Конфуция. Как пишет А. С. Мартынов (Мартынов, 2001), конфуцианство оказалось одним из тех вариантов духовной трансформации человечества в «осевое время» (по К. Ясперсу), когда человеческие коллективы стали меняться и разрываться, делиться по новым основаниям, чем прежде, в том числе на людей, которые живут как прежде, и тех, кто совершенствуется, преуспевает, переходит в более высокую категорию. Для последних становится важным духовное обучение и новый тип человеческих отношений — взаимоотношений наставника и ученика (там же: 136–138). При этом, в отличие от религий спасения (христианства, буддизма), ориентирующих людей на уход от мира, конфуцианство готовило людей для этого мира, а точнее — для государственной службы. Конфуцианская система образования выстроилась как часть государственной власти, как основа социальной иерархии, и история образования тесно переплелась в этой стране с историей политической системы, в которой должности могли достигаться путем прохождения обучения и сдачи экзаменов.

До сих пор сегодня в Китае образование и власть остаются взаимозависимыми частями целого, и социальная иерархия не только оформляет образование, но и определяет его характер (Закурдаев, 2012: 109). Современные китайские родители не просто хотят, чтобы их ребенок получил образование, но и чтобы он стал «драконом» (сын) или «фениксом» (дочь), то есть достиг успеха, стал выдающимся человеком (там же: 105–106).

В данной системе организации образования учитель был и остается больше чем учитель (Соломатина, 2020). Причем, специалисты уже рассматривают в китайском языке (как и в японском) термин, выражающий учителя, как концепт и пишут, что он в большей степени ассоциируется с понятием «наставник», «духовный учитель», или «предшественник» («тот, кто идет впереди») (Жанцанова, Дагюев, 2019: 35).

Особые связи между учителем и учеником были важнейшими в индийской и японской культурах. Причем и индийскую, и японскую, и китайскую культуры пронизывала буддийская традиция, соединяя и укрепляя традиции наставничества (Бабкова, Коляда, 2024). Как гласят древние китайские рукописи, буддийские проповедники передавали буддийское учение из Индии в Китай еще с 3 в. до н. э.,

¹ Очевидно, что то же произошло и со словом *акша* — *ашка* ‘деньги’. Толковый словарь тувинского языка под ред. Д. А. Монгуша трактовку термина *ашка* отсылает к определению термина *акша*, см.: Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1. С. 182 и 99.

но попытки увенчались успехом лишь в 1 в. н. э. и связано это было с тем, что император «созрел» для учения и смог стать учеником (там же: 10). М. В. Бабкова и М. С. Коляда подчеркивают, что в передаче учения огромную роль сыграл именно личностный фактор и личностные отношения «учитель — ученик». При этом данный процесс взаимодействия постоянный: ученик принимает учение, затем сам становится наставником (там же).

Буддизм в нескольких традициях, в каждой из которых была важной традиция наставничества, распространился на огромные территории Евразии (напр., см.: Марков, 2021), в том числе охватив и регионы с кочевой культурой шаманистов. В тибетском варианте буддизма, в традиции *гелуг*, культ наставничества был развит его основоположником — ламой Цонкапой (XIV–XV вв.), философом, религиозным деятелем, реформатором. Помимо совершенствования прочих символов буддийской веры, он утверждал о необходимости «ввериться Учителю», которого он называл «Благим Другом»¹, следуя наставлениям Будды о том, что учитель — это благой друг, благой спутник, благая опора (Эрендженова, 2019: 130). Самого же ученика Цонкапа описывал как «сосуд для послушания»².

Традиция распространилась в том числе на Монголию и через нее — на Туву. М. В. Монгуш цитирует статью из журнала «Современная Монголия» 1936 г., описывая масштабы подобного тибетского культа в Монголии: там «не было ни одного арата, ни одной юрты, которые не имели бы в ближайшем монастыре своего учителя-ламу» (Монгуш, 2001: 70). Будучи привнесенным в середине XVIII в. в Туву по монгольскому направлению при поддержке имперских властей маньчжурского Китая (там же: 36–94), буддизм внедрил в среду местного населения и новый аспект социальной иерархии — институт личного религиозного наставничества.

При этом мы помним о том, что в тувинском языке (как и других языках — тюркских и монгольских) слово *башкы* имеет более древние корни. То есть, очевидно, это слово и идеи существовали и до укоренения в регионе буддизма. Наличие словоформы с древней историей подсказывает нам то, что культурное влияние Китая на тюркские культуры имеет сложную и извилистую историю. Восстановить историю традиции *башкы* полностью невозможно, но, по крайней мере, можно говорить о ее китайских и буддийских корнях, которые наслаивались друг на друга и отдельные традиции укрепляли друг друга веками.

Башкы как источник знаний

Как и сам буддизм, традиция наставничества не изменила полностью тувинскую культуру, она лишь адаптировалась к ней, ассимилировалась с местными традициями. В Туве, как пишет М. В. Монгуш, понятие *башкы* «подменило собой все, что имело отношение к просвещению. В результате словом “башкы”, т. е. учитель, называли любого, кто обладал неизвестными для широких масс знаниями» (там же: 70–71). Более того, небесного божества Курбусту-хана, например, южные тувинцы именовали «Бурхан-башкы» (там же: 168). Самого Будду Шакаямуни тувинцы, как и другие народы с буддийской культурой, называют *Бурган башкы* (Бурыкин, 2020: 201; и др.³).

Приведем другие примеры из фольклора. В мифе о живой воде и вечнозеленых деревьях говорится о создании Бурган-башкы, т. е. Богом-наставником, живой воды для того, чтобы сделать бессмертными всех существ Вселенной⁴. Он же упоминается в мифе о происхождении змеиного яда. Здесь в том числе говорится о том, что Бурган-башкы живет в юрте и имеет своих учеников⁵. Бурган-башкы также фигурирует как тот, кто находит подходящие голоса новым появляющимся в природе животным⁶.

Башкы также именовали буддийских лам, причем различали их иерархию, например, «младший лама» и «старший лама» соответственно — *бичии башкы* ‘маленький учитель’ и *улуг башкы* ‘большой

¹ Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. I. Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности. СПб.: Нартанг, 1994. С. 64.

² Там же.

³ Туң-оол О. Харыы // Антология тувинской поэзии. Литературно-художественное издание. Кызыл, 2014. С. 249; Мижит Э. Өг // Антология тувинской поэзии. Литературно-художественное издание. Кызыл, 2014. С. 392.

⁴ Мифы, легенды и предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев и др. Новосибирск: Наука, 2010. С. 48, 49.

⁵ Там же. С. 52, 53.

⁶ Там же. С. 68, 69.

⁷ Там же. С. 84, 85.

учитель⁷. В одном из преданий встречается именование *Ачылыг-башкы* 'Благословенный учитель', под которым также подразумевался лама¹, возможно высокого ранга. В эпическом произведении «Хунан-Кара» также встречается упоминание о *башкы* — буддийском священнослужителе². Т. Г. Будегечиева пишет, что среди обращений к учителю у тувинцев есть *ном башкызы*, т. е. буквально 'книжный учитель' (Будегечиева, 2018: 91).

Учитывая то, что порочные, алчные, ленивые ламы достаточно часто высмеивались в малых жанрах фольклора, не удивительно, что их и изображали в сюжетах с помощью приставки «башкы» к имени или к сказочному образу. Например, в сказках с явными монгольскими заимствованными сюжетами (в свою очередь пришедшими из Индии, Тибета), отдельно исследованных А. С. Донгак, присутствуют сюжеты о коте-наставнике («Моортай-башкы»), учителе Эленмее («Элеңмей башкы»), учителе свинье («Хаван башкы»)³.

В сказке о коте-наставнике (*моортай-башкы*) говорится о голодном коте. Встретив кота в лесу, мыши признали его своим учителем *башкы*, соорудили для него теплое гнездо, делали ему подношения и молились ему, оставляя рядом с ним дежурных мышек, которые с каждым днем исчезали. Их поедал тайно кот, не пристраживаясь к еде, которую ему приносили. Когда мыши наконец поняли причину постоянного уменьшения их численности, они осознали, что кот им не учитель, а враг. В завершении сказки кот съел предводителя мышей, что и стало началом постоянной вражды между мышами и котами⁴.

В другой сказке «Хаван-башкы» речь идет о старике, который перед ханом назвался Хаван-башкы, обладающим даром прорицателя. В ответ на просьбы богача он каждый раз требовал себе свиную тушу, которой и питался вволю⁵.

Эти и другие образцы фольклора выражают понимание людьми разницы между ламами-*башкы* праведными и не праведными, теми, кого можно считать настоящими праведниками и наставниками, и теми, кто только притворяется праведником и называется «башкы».

В одном из рассказов о тувинцах начала XX в., который записал И. Г. Сафьянов⁶, содержится весьма интересный сюжет, который показывает нам также это понимание.

Автор описывает встречу с богатым тувинцем знатного рода Ортун-мейрин, который получил духовный сан *хелин*, то есть имел прекрасное образование, знал монгольский и тибетский языки, бывал в Китае, совершал паломничества. В Туве же его назначили старшим чиновником особых поручений при амбын-нойоне, маньчжурском наместнике в крае. Лама исполнял свои обязанности до своей смерти, но не так как другие, возможно, без особого рвения перед начальством. Нойон на него гневался, но не мог ничего с ним поделать, даже не мог уволить, учитывая его ученость и популярность среди народа.

Лама этот отказался в свое время и от сана *камбы-лама* — главы крупнейшего в крае хурээ — Оюннарского. Отказ свой он свой объяснил, приведя сказку об охотнике, который на охоте убил маралуху. Она оказалась беременной и при падении со скалы распорол брюхо об камне; оттуда выпал детеныш, который также погиб. Охотник впал в ужас от этой картины и, глубоко раскаиваясь, решил покончить жизнь, бросившись с той же скалы. Но случилось чудо — он не упал, неведомая сила удержала его и унесла в небо. Все это видел великий праведник *бакши*⁷ лама, живший рядом в пещере и совершавший молитвы для просветления. Он подумал, что скала обладает определенной силой и он тоже может таким же образом вознестись на небо. Бросился — и разбился о камне. Умирал лама мучительно, проклиная жестокое небо⁸.

¹ Там же. С. 94, 305.

² Хунан-Кара // Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, С. 64.

³ См.: Донгак А. С. Сюжеты и мотивы «обрамленных повестей» в тувинской сказочной традиции : дисс. ... канд. филол. н. Кызыл, 2004.

⁴ Там же. С. 83–87.

⁵ Там же. С. 100–101.

⁶ Сафьянов И. Г. Прошлое и настоящее сойотского народа // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. Т. 5. С. 298–299.

⁷ Такое написание в источнике. Редакторы издания добавили в примечание написание *башкы*. Там же. С. 299.

⁸ Там же.

Так иносказательно Ортун-мейрин выразил мысль, что не верит в святость лам. Сам же он помогал бедным, растил и учил своих детей, был почитаем за свою человечность.

Как мы видим, понятие *башкы* вписалось в имеющиеся культурные традиции тувинцев, привыкших к социальному делению в обществе, к наличию богатых, вышестоящих, порочных людей. Тем не менее, постепенно также в культуру внедрялись и внесоциальные идеи наставничества, которые несли буддийская культура.

Как отмечает исследователь культа учителей в буддийских культурах Ю. Ю. Эрендженова, за учителями, ламами, т. е. людьми, прошедшими большую школу обучения, признавалась духовная власть, их почитали наравне с тремя драгоценностями буддизма, вера в них должна была быть безграничной. «Лама должен восприниматься учеником как эманация, или проявление Будды, и мудрость его не должна ставиться под сомнение» (Эрендженова, 2019: 132).

Безусловно, в целях решения государственных задач буддийская церковь, буддийское духовенство также были строго иерархичны и насаждаемый ими культ наставничества соответствовал духу вертикальных связей управления и подчинения (Хомушку, 2024: 46–47). Кроме того, далеко не все ламы обладали истинными качествами наставника. Тем не менее семантика языкового термина указывает нам на то, что идея наставничества принялась на тувинской «почве» и стала развиваться.

Разница между *башкы* тувинским-буддийским и учителем китайской традиции здесь отмечается в понимании предназначения учителя, его социальной роли и отношения к власти, а также к другим представителям духовенства. Если китайская система образования и учителя считались частью государственной системы, были призваны возвращать государственных мужей, людей, которые пополняли систему, то в тувинской традиционной культуре наставничества стало связываться с возникновением новых отношений между людьми в сообществе, где до этого были преимущественно только вертикальные связи управления и подчинения (богатый — бедный, *дарга* 'начальник' — *арат* 'труженик' и др.¹), и горизонтальные связи родоплеменных отношений (между членами больших и малых родственных групп). Помимо них в культуре появились и личные отношения между наставником и учеником в широком смысле слова, когда один другого превосходил своими знаниями и второй признавал это, считал необходимым учиться и сам обращался к первому для этого. То есть для определенной категории людей наставники были личным источником знаний, персональными наставниками личного совершенствования.

Такая установка, например, показана в сказке об Ачыты-башкы, к которому приходили за знаниями сироты². В другой сказке, в одной из версий о бесстрашном Хане-Хулюке, приведенной в сборнике «Тувинские народные сказки», составленном М. Ватагиным, есть сюжет о поездке героя к *башкы*:

«— Надо пойти за священной золотой книгой Аржи-Соржу-башкы, который живет на краю земли. Может быть, эта книга поможет твоей сестре, — сказала жена Сай-Куу.

Хан-Хулук направился к краю земли. По дороге заехал в черный чум.

— А теперь куда едешь — спросила Алдын-Хува.

— Моя сестра все еще больная. Я еду к Аржи-Соржу-башкы за священной золотой книгой.

Красавица опять написала письмо.

— Передай его мудрому башкы, — сказала она.

Хан-Хулук приехал на край земли, в аал мудрого башкы. Его окружили маленькие мальчики.

— Кто вы? — спросил богатырь.

— Мы ученики Аржи-Соржу-башкы, — ответили мальчики»³.

¹ Еще один важный в тувинском обществе человек шаман не был главенствующим над людьми, но он был, как выражается О. М. Хомушку, «первым среди равных» и тувинцы слушались его (Хомушку, 2024: 47).

² Донгак А. С. Сюжеты и мотивы «обрамленных повестей» в тувинской сказочной традиции: дисс. ... канд. филол. н. Кызыл, 2004. С. 114–117.

³ Тувинские народные сказки / перевод, составление и примечания Марка Ватагина; предисловие Д. С. Куу-лара. М.: Наука, 1971. С. 48.

То есть фольклор показывает нам, что в культуре появилась идея обращения тувинцев за знанием к определенным людям — образованным, обладающим мудростью, священными знаниями — *башкы*. Между людьми появились новые социальные отношения.

Тем не менее, также добавим: учитывая наличие в тувинском языке, как и во многих тюркских, слова *баш* 'голова, первый', о чем писал Татаринцев (см. выше), в источниках присутствуют и его производные, идентичные в написании со словом *башкы*. Например, среди чиновников центрального управления Тувы при амбын-нойоне также был чиновник главной печати *Башкы-танма* (Дулов, 1956: 297). Здесь очевидно, речь идет не о наставнике, который владел печатью, а именно о должности чиновника, который заведовал первой печатью (*башкы* 'первый', *таңма* 'печать').

Башкы как профессионал

Учитывая все вышесказанное, вызывает удивление тот факт, что до сих пор эта интереснейшая культурная традиция была обойдена вниманием тувиноведения. Казалось бы, что ею должны заниматься исследователи прежде всего традиции тувинской педагогики — отрасли, обращенной к педагогической сфере. Но первой причиной образования такой ситуации стала трансформация, которая произошла со словом *башкы* в советское время.

В связи с запретом религий, религиозной деятельности в Туве в 1930-е гг. (Монгуш, 2001: 106-109), понятие *башкы* утратило свою связь с религиозным статусом наставника (Ооржак, 2019: 45). Из понимания как буддийского ламы и даже наставника (в советское время не могло быть иных наставников, кроме одобренных партийными органами), *башкы* стало лишь названием профессии учителя, словом, означающим профессиональную деятельность и относящимся к сфере образования. В этом значении оно и определяется уже в тувинско-русском словаре 1968 г.: «*башкы* I преподаватель, преподавательницы, учитель, учительница, педагог // преподавательский, учительский, педагогический; ...»¹. Соответственно термин стал включаться в названия организаций, например: *башкы институту* 'педагогический институт', *башкылар билиш бедидер институту* 'институт повышения квалификации учителей' и пр.

То есть исконный смысл концепта культуры при переводе на другой язык был нивелирован (но, как мы увидим далее, не потерялся полностью).

Советская семантика заметна, например, в тексте известной монографии исследователей истории тувинской педагогики К. Б. Салчак и Л. П. Салчак «Тыва улусчу педагогиканың хөгжүлдеси = Развитие тувинской народной педагогики». Она была написана и издана в советское время (Салчак К., Салчак Л., 1984) и в 2016 г. переиздана на двух языках (Салчак К., Салчак Л., 2016), поскольку до сих пор остается ключевой работой для тувинских этнопедагогов².

В тувиноязычной части издания 2016 г. слово *башкы* встречается более 40 раз, но всякий раз именно в значении профессиональной деятельности. Например, во введении к книге, в представлении биографии одного из соавторов книги: «Шылгараңгай *башкы*, эртемден, тыва этнопедагогиканың үндезилекчизи Красс Байыр-оолович Салчак 1932 чылдың июнь 6-да Бай-Тайга кожууннуң Хөл деп черге төрүттүнген» (там же: 3; здесь и далее в цитатах выделено курсивом нами. — Авт.) («Известный ученый-педагог, основатель тувинской этнопедагогики Красс Байыр-оолович Салчак родился 6 июня 1932 года в м. Хөл Бай-Тайгинского кожууна» (там же: 155)). Здесь же указывается, что он окончил Абаканский педагогический институт («Абаканның *башкы* институтун дооскан соонда, ...»), учительствовал («*башкылап*»). В тексте встречается также и мудрость: «Амыдырал кайгамчык *башкы* болурундан аңгыда, шыңгыы негелделиг шылгакчы болуп турар» 'Жизнь не только замечательный учитель, но и требовательный экзаменатор' (там же: 40).

Соответственно уже в последующих работах тувинской этнопедагогики, которые выполняли и до сих пор выполняют ученики К. Б. Салчака, понятие *башкы* также не выделяется, автоматически заменяется на переводные слова. Например, его нет в монографии «Этнопедагогика тувинского на-

¹ Тувинско-русский словарь. Около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. С. 95.

² Понятие «тувинские этнопедагоги» приводится в связи с тем, что специалисты по традициям тувинской народной педагогики практически все работают в научных и научно-образовательных учреждениях самой Тувы, то есть являются «внутренними» учеными (инсайдерами).

рода» авторства того же К. Б. Салчака с Г. Н. Волковым и А. С. Шаалы (Волков, Салчак, Шаалы, 2009). Эта тема не поднимается и в других публикациях этнопедагогов, в том числе и в постсоветское время — в материалах первых салчаковских этнопедагогических чтений — конференции, которая прошла в г. Кызыле в 2016 г.¹

Другой причиной следует назвать особенности этнопедагогической концепции Г. Н. Волкова, которой руководствовался К. Б. Салчак (см.: Дамба, 2016). Волков начал ее разрабатывать в 1970-х гг. и суть изложил в целом ряде изданий, в том числе учебнике под названием «Этнопедагогика», выдержавшем несколько переизданий². Концепция основана на том убеждении, что у этнических групп есть свой эмпирический опыт воспитания и образования детей, и этот опыт может изучать специальная дисциплина — этнопедагогика — история и теория народного (естественного, обыденного, неформального, нешкольного, традиционного) воспитания³. Ее предметом является народная педагогическая традиция⁴, что логически укладывалось в основы теории советской педагогики в те времена (см.: Недземковская, 2011).

В подобном ракурсе исследователи обращаются лишь к одной из сторон общественной жизни, условно говоря — «низовой», где представители старших поколений в семье учили младшие поколения народным знаниям, этикету, традициям и обрядам повседневной жизни. Рассмотрение же наставничества в более широком социальном контексте не было востребовано, тем более, что оно чаще всего относилось к сфере религиозной жизни, которую советская наука отмечала знаком отсталости, неактуальности, вредности и пр. Поскольку в период запрета или значительных ограничений для религий, религиозной жизни социальная роль религиозных деятелей оценивалась негативно, то и тема учителей — священников просто обходилась вниманием.

Продолжающееся инерционное развитие этнопедагогических исследований, не сходящее с намеченных еще в советское время исследовательских путей, приводит к тому, что традиция *башкы* игнорировалась и продолжает быть обойденной вниманием историков педагогической культуры.

Тем не менее глубинные смыслы слова *башкы* все же сохранялись в тувинском языке и не только в языке.

Башкы как наставник

Понимание *башкы* как в целом наставника, на наш взгляд, в советское время переместилось в коннотативные значения в термине.

И в этом качестве его можно найти в воспоминаниях и словах современных жителей Тувы, которые мы обнаруживаем в биографических очерках, интервью в материалах местной прессы, например, газет: «Центр Азии» (об источниковой ценности которой нам приходилось писать, см.: Ламажаа, Туймебаев, Шагимгереева, 2024), «Тувинская правда», «Шын». Также интересны для нас сюжеты, которые встречаются в произведениях тувинской литературы.

Писатель Леонид Борандаевич Чадамба, чьи воспоминания опубликовала в 2014 г. его дочь, писал о том, что когда тувинцев массово обучали грамотности в 1930-х годах, каждый, кто овладевал немало грамотой, мог помогать другим и тогда сам становился *башкы*. Он сам в 12 лет, окончив всего один класс начальной школы, также влился в этот процесс:

«Следуя призыву Токи, мы в самом деле стали обучать аратов, живших неподалеку от лагеря. И они, старшие, называли нас башкы — учитель. Когда к тебе обращаются со словом башкы, нет более восхитительного чувства. Я испытал его, будучи мальчиком-пионером. Это чувство не покидает меня, взрослого человека, и поныне. Учитель — это слово по значимости в жизни человека можно сравнить разве что со словом мама»⁵.

¹ Этнокультурное содержание образования. Материалы первых салчаковских этнопедагогических чтений / сост. Г. Д. Сундуй, А.-Ч. В. Куулар. Кызыл: ИПО «Билиг», 2016.

² Напр.: Волков Г. Н. Этнопедагогика: учебник. М.: Академия, 1999.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 5–6.

⁵ Леонид Чадамба. Из озера света [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2014, № 30. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2014/30/5056-leonid-chadamba-iz-ozera-sveta.html> (дата обращения: 06.06.2024).

Как основоположник тувинской детской литературы, а также автор учебников тувинской литературы, Л. Б. Чадамба был внесен в книгу почета жителей Тувы — «Заслуженные люди Тувы XX века» — с характеристикой: «Кысказы-биле чугаалаар болза, Леонид Борандаевич Чадамба шынапла чуг-ле уежилеринге эвес, а келир салгалдарга база “башкы” бооп артар» ‘Словом, Леонид Борандаевич Чадамба останется *башкы* не только для своих современников, но и для будущих поколений’¹.

Добавим, что у самого писателя есть и стихотворение, посвященное *башкы*².

Такой же пример, когда грамотного мальчика старшие называли *башкы*, приводится и в романе М. Б. Кенин-Лопсана «Настигающий птицу» («Чугурук Сарала»):

«Было тогда мальчишке восемь лет. ... Еще немного времени прошло — получил Чанчык новое прозвище: “Учителем”³ его назвали люди. Была пора, слово “башкы” считалось вроде монашеского чина, одних лам — буддийских священнослужителей — называли так. В здешних местах, в Хондергее, до революции тоже был “башкы” — лама, хорошо знающий по-тибетски: так его учителем и звали, хоть он за всю жизнь ни одного мальчишки той мудреной грамоте не выучил. ...

По совести сказать, Чанчы особенного образования не имел: один только месяц проучился грамоте в красной юрте — уже легко стал читать газеты, рука привыкла держать карандаш, но писал еще коряво. Однако земляки, особенно старики, гурьбой стали ходить к нему, просить, чтобы он помог написать письмо или заявление. ... А потом и правду учителем стал в кружке ликбеза»⁴.

М. Б. Кенин-Лопсан также известен и поэмой «Бичии башкы» («Маленький учитель») (1963)⁵.

У тувинской писательницы Е. Тановой в повести «Тайна цветущей ивы» также есть сюжет о маленьком *башкы* по имени Чылбак, который проучившись сам в летней школе, получил удостоверение с печатью, дававшее ему право обучения взрослого населения грамоте. Теперь он сам учил отца и других земляков грамоте, терпеливо объяснял им буквы латинизированного алфавита, проверял их тетради и выставлял оценки⁶.

Башкы — наставники, которые не только учили грамоте, они были людьми, которые помогали не сбиваться с верного жизненного пути.

Так, доктор исторических наук Юрий Лудужапович Аранчын, много лет возглавлявший Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (1967–1994), вспоминал:

«Очень благодарен своему *башкы*: если бы не Обус Маннай-оолович Монгуш, я бы даже школу не окончил. Через месяц после приезда из Самагалтая в Кызыл так затосковал по дому, что решил убежать. От Кызыла до Самагалтая — 166 километров, но я был уверен, что дойду и не замерзну, ведь у меня был теплый тувинский тон — халат. Утром мы с другом втихаря убежали, а вечером на дороге нас догнал наш учитель и привез обратно в школу. Долго беседовал с нами, объясняя, как это важно — получить знания. Мне было очень стыдно, после этого случая стал учиться хорошо»⁷.

О том, что этот *башкы*-учитель наставил и его, говорил также судья и прокурор Шагдыр Седий-оолович Куулар:

«Привезли меня в Чадан — в школу. Не понравилось мне там сначала, очень тяготила оторванность от привычной жизни. Целый день сидишь в классе, воздуха не хватает, все это не мое — тетради, ручка, в интернате — непривычная кровать, на которой никак не могу заснуть. Хотелось вернуться в родную юрту, пасти своих баранов, смотреть в широкую степь, пить воду из Хемчика.

¹ Заслуженные люди Тувы XX века. Государственная книга Республики Тыва. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2004. С. 298.

² Чадамба Л. Башкы [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/8013> (дата обращения: 06.06.2024).

³ Перевод текста осуществляла С. Козлова, в оригинале было «Башкы». С. 224.

⁴ Глава третья [Электронный ресурс] // Радуга Тувы. URL: <https://tuvacheleesh.ru/490> (дата обращения: 06.06.2024).

⁵ В составе сборника: Кенин-Лопсан М. Бичии башкы: шүлүктөр, шүлүглелдер, балладалар. Кызыл: ТывНУЧ, 1963.

⁶ Весна [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7585> (дата обращения: 06.06.2024).

⁷ Обус Монгуш. Заслуженный отец [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2013, № 27. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2013/27/4654-obus-mongush.-zasluzhenniy-otec.html> (дата обращения: 06.06.2024).

Решил вместе с другом убежать. Сорок пять километров прошли, добрались к вечеру. Смотрим: людей около юрты нет. Наверно, думаем, сели пить чай. Радостные, заходим в юрту и глазам своим не верим: сидит в ней наш башкы Обус Маннай-оолович Монгуш и разговаривает с моими отцом и матерью. Отец строго на меня посмотрел, сказал: “Переночуете, а завтра вернетесь в школу”. Но учитель возразил: “Пусть ребята покушают и сразу собираются в путь”. Нам обоим так стыдно было, больше мы никогда не убежали¹.

В словах Народного писателя Республики Тыва А. А. Даржая есть явное размежевание понимания учителя как профессионала и *башкы* как большее, чем учитель, как «высокое звание»:

«Да, у нас в Туве и пожилые люди, и юные учащиеся школ никогда не называли учителя по имени и отчеству, а почтительно и уважительно обращались: “Башкы”.

В кожуунах, в самых отдаленных селах больше всего работы приходится на долю учителей. В советское время они были агитаторами, активистами, вся жизнь села проходила с их участием.

Поэтому для нас звание учителя было особенно высоким и значительным.

А несет ли сегодня учитель высокое звание башкы? Нет, он сдал свои позиции. Его влияние на умы и души учеников ослабло. До недавнего времени учительская зарплата была такой низкой, что после урока учитель спешил на рынок продавать товар².

Поскольку тувинцы признавали авторитет *башкы*, то для них было важным отношение наставника к ним. Так, для тувинского артиста Максима Мунзука, которого пригласил на роль Дерсу Узала известный японский режиссер Акира Куросава, режиссер был *Башкы*, несмотря на то, что они были одногодками (оба родились в 1910 г.). Как вспоминает дочь артиста С. Мунзук, отец со съемок писал домой письма и упоминал:

«Сегодня снимали довольно трудный эпизод и я чувствовал, что Башкы недоволен мной. Он терпеливо объяснял сцену, без особого напряжения добивался нужного результата. Я сам больше нервничал. Меня поражает его внутренняя сила, выдержка и терпение в работе с актерами, другой бы на его месте давно накричал на меня³.

Причем, как вспоминает дочь, «папа в каждом письме называл режиссера именно так — уважительным тувинским словом Башкы. Это слово — учитель в переводе с тувинского — он всегда трепетно писал с большой буквы⁴.

Особое отношение к *башкы*, не просто как к учителям, но как к наставникам, передалось от тувинцев и русским жителям Тувы. Журналист Г. Мурыгина вспоминала:

«...Такое же отношение у меня и к совершенно удивительному, великолепному башкы — профессору Георгию Николаевичу Курбатскому. Мы, студенты, его обожали. За мудрость, непохожесть на других, часто очень посредственных преподавателей, любовь к древнему языку русичей, за семинары, которые всегда превращались в уроки любви к Родине. И еще — за смелость говорить открыто обо всем, в том числе, и о политике в стране в те семидесятые застойные годы прошлого столетия⁵.

Сам Г. Н. Курбатский писал о своем статусе и о том, как он ему помогал в сборе образцов фольклора при работе со стариками-информаторами, так:

«Между автором-собирателем и его информаторами, как правило, легко и просто устанавливались отношения диалога и партнерства. Порой наши отношения поднимались до уровня товарищества и подлинного дружества. Здесь многое определялось моим интересом к их прошлому и настоящему, а также тем, что я “башкы” — учитель их детей. Они поведали мне самое сокровенное» (Курбатский, 2001: 9).

Уже упоминавшаяся С. Мунзук, ныне архивариус Национального театра Тувы, описывая биографию Лидии Ивановны Куулар, педагога школ Барун-Хемчикского района, в дни ее 90-летия, подчеркнула в завершении очерка:

¹ Там же.

² Александр Даржай. Космос любви [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2010, № 3. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2010/3/3208-kosmos-lyubvi.html> (дата обращения: 06.06.2024).

³ Мунзук С. Всему свое время (окончание) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2011, № 38. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2011/38/4031-vsему-svoe-vremya.html> (дата обращения: 06.06.2024).

⁴ Там же.

⁵ Галина Мурыгина, журналист: мужчины склоняются, женщины — нет! [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2014, № 2. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2014/2/4820-galina-murigena-zhurnalist-muzhchini.html> (дата обращения: 06.06.2024).

«Своим созидательным трудом Лидия Ивановна Куулар оставила след в образовании Тувы и в сердцах сотен своих учеников. И многие из них, уже взрослые люди, встречая ее, всегда обращаются к ней, как в детстве уважительно и с любовью Башкы»¹.

Слова благодарности своему Башкы — педагогу Светлане Чоодуевне Шулуу-Маадыр — высказывает музыкант, участница ансамбля «Тыва кызы» Шолбана Белек-оол:

«Наша Башкы полвека посвятила себя служению педагогике, из них 34 года работает в кузнице талантов: в гимназии № 9 г. Кызыла и 30 лет бесменно работает в центре народной педагогики школы “Улусчу журлар”! Мы счастливы, что стали частью Вашей жизни, Башкы! Благодарим Вас за Ваши уроки мудрости, доброты, уроки любви к своей Родине, родному языку, народу и их вековым традициям!»²

Башкы используется не только в упоминаниях о школьных учителях, *башкы* могут быть любые специалисты, которые учат других профессии, мастерству, воспитывают, опекают.

Заслуженный деятель культуры Тувинской АССР Дыдый Сотпа вспоминала об основоположнике тувинского профессионального театра, с которым ездили студенты театральной студии на гастроли:

«Нашим бригадиром был Виктор Шогжапович Кок-оол — Кок-оол башкы, как мы его называли. Его все уважали, куда бы мы ни приезжали, несли чайники с горячим чаем, угощали от души. Этот великий артист, драматург, композитор был удивительно человечный, простой и веселый. Он никогда не уставал рассказывать об истории создания тувинского театра, о своих произведениях и приключениях»³.

Один из воспитанников известного исполнителя тувинского горлового пения — хоомейжи Конгар-оола Ондара Эртине Тумат вспоминал о своем наставнике:

«Я благодарю судьбу за то, что встретил на своем пути такого Башкы. Благодаря ему я счастливый человек. Если бы были крылья — я бы взлетел. Своего Башкы я боготворю, если бы он был жив, то, наверное, всех учеников созвал бы, устроил бы грандиозные проводы с горловым пением аж до самого перевала с оленьей скульптурой”. Улыбаясь, выдержав паузу, Эртине с гордостью сказал: “Башкымнын ачызы-дыр! (Это заслуга моего учителя)”»⁴.

В сельской местности учителей *башкы* и вовсе называли «самыми уважаемыми людьми села» (*Башкы — суурнуң эң хүндүткелдиг кижизи*). Например, под таким названием прошла встреча учителей в с. Тээли Байтагинского кожууна в 2020 г.⁵

Причем сами люди, которых именовали *башкы*, к которым так обращались, отмечают чувство гордости, удовлетворения, счастья, а порой и неловкости от того, что их теперь так зовут.

В интервью газете «Центр Азии» в 1995 г. тувинский политик В. Багай-оол пояснял почему долгое время не хотел уходить из преподавания во властные структуры:

«Честно скажу, мне не хотелось расставаться со свободой. Будучи преподавателем, я был независимым, свободным человеком. И отношения со студентами и преподавателями были прекрасными. И сейчас, когда ко мне обращаются “башкы” (учитель), я радуюсь. Не люблю, когда ко мне обращаются “дарга” (начальник)». Терпеть не могу»⁶.

Ныне писательница Зоя Донгак в своей трудовой биографии сменила несколько ипостасей. Когда она стала преподавать в медицинском училище, то услышала в свой адрес новое обращение, что ей очень понравилось:

¹ Мунзук С. Лидия Куулар: «Я проросла корнями в Туве» [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2023, 26 июля. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/lidiya-kuular-ya-progosla-korniami-v-tuve/> (дата обращения: 06.06.2024).

² Учитель, пред именем твоим [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2022, 10 октября. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/uchitel-pred-imenem-tvoim/> (дата обращения: 06.06.2024).

³ Дыдый Сотпа. Жизнь в телевизоре [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2013, № 17. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2013/17/4589-didiy-sotpa.-zhizn-v-televizore.html> (дата обращения: 06.06.2024).

⁴ Ортеней Т. С благословения учителя [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2015, 6 октября. URL: <https://tuvpravda.ru/arkhiv/s-blagoslovenii-uchitelia/> (дата обращения: 06.06.2024).

⁵ Ондар М. Башкы — суурнуң эң хүндүткелдиг кижизи [Электронный ресурс] // Шын. 2020, 11 февраля. URL: <https://shyn.ru/novosti/bashky-suurnun-en-khundutkeldig-kizhizi/> (дата обращения: 06.06.2024).

⁶ Владимир Багай-оол. «Плох тот генерал, который забыл, что был солдатом» (беседовала Н. Антүфьева) // Люди Центра Азии. 50 интервью. Кызыл, 1998. С. 131.

«Мне очень нравилась моя новая профессия — башкы. До этого все время слышала приветствие: “Экии, эмчи! Здравствуйте, доктор!” И вдруг: “Экии, башкы! Здравствуйте, учитель!”

Как это приятно и гордо звучит! Каждый день преподавания был для меня праздником»¹.

Воспитатель детского сада г. Кызыла О. У. Шинин с 30-летним стажем работы говорит:

«Ко мне приходят дети уже моих выпускников. Улыбаются, благодарят, говорят, что всегда с теплотой вспоминают свои детсадовские годы. Вообще часто встречаю своих воспитанников в городе. Слышу: “Здравствуйте, башкы! Спасибо, башкы!” — это очень приятно»².

На вопрос журналиста о том, почему профессиональная титулованная артистка (Заслуженная артистка Российской Федерации) Галина Мунзук «скатилась» до уровня самодеятельности, то есть поучаствовала однажды в 2015 г. в самодеятельной постановке со школьниками, она ответила, что хотела помочь кружку, в котором занимались дети с ограниченными возможностями. При этом, когда она приходила, дети приветствовали ее «Здравствуйте, башкы». Артистка вспоминает: «Даже неудобно было. Какой я башкы — учитель? Просто понимала, что некому с ними заняться, а им этого так хочется»³.

Мы также знаем, что определение *башкы* распространилось на всех авторитетов, в том числе и политических.

Так, тувинцы *башкы* называли и Ленина — *Ленин башкы* (*Лээнэй башкы*⁴), о чем пишут сами же педагоги К. П. Салчак и Л. П. Салчак (Салчак К., Салчак Л., 2016: 96). Такие определения встречаются и в произведениях тувинской литературы советского времени⁵. Г. Н. Курбатский приводит целый спектр определения Ленина в тувинских песнях раннего советского времени:

«Ленин в песнях “учитель” — башкы, “великий учитель” — улуг башкы, “наш дорогой учитель” — энерел-диг башкы, “самый правдивый учитель” — эң-не шыңчы башкы, “добродетельный учитель” — ачылыг башкы, “отец” — ада»⁶.

Башкы называли и Сталина — *башкы Сталин*⁷. Советское государство определялось как *башкы чурту* ‘страна учителя’⁸.

Также называли и московского филолога А. А. Пальмбаха, одного из создателей тувинской письменности на основе кириллицы⁹ — *башкы Пальмбах*¹⁰. *Башкы* даже обозначили и газету «Шын» как учителя тувинского языка¹¹, то есть идея наставничества даже может связываться не только с человеком.

И подобное понимание важности *башкы* сохраняется до сегодняшнего дня.

Филолог У. Монгуш о своем научном руководителе — докторе филологических наук И. В. Кормушине пишет в 2021 г. в газете «Тувинская правда», упоминая также учителя своего учителя (т. е. *башкы* ее *башкы*):

¹ Донгак З. Экзамен жизни (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2012, № 11. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2012/11/4189-ekzamen-zhizni.html> (дата обращения: 06.06.2024).

² Монгуш А. Спасибо, воспитатель! [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2024, 28 сентября. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/spasibo-vospitatel/> (дата обращения: 30.09.2024).

³ Галина Мунзук. Как на ладошке [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2016, № 13. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2016/13/5288-galina-munzuk.-kak-na-ladoshke.html> (дата обращения: 06.06.2024).

⁴ Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 258.

⁵ Например, в романе К.-Э. Кудажи «Неугомонный Улуг-Хем. Золотой том»: Глава вторая [Электронный ресурс] // Радуга Тувы. URL: <https://tuvacheleesh.ru/553> (дата обращения: 06.06.2024).

⁶ Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 259.

⁷ Из романа А. Салчак-оола «Кровь и пот»: Глава пятая. Большой концерт [Электронный ресурс] // Радуга Тувы. URL: <https://tuvacheleesh.ru/798> (дата обращения: 06.06.2024).

⁸ Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре ... С. 268.

⁹ Пальмбах [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2701074> (дата обращения: 06.06.2023).

¹⁰ Хадаханэ М. А. Тувинские страницы. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2020. С. 196.

¹¹ Демчик Р. Шын — тыва бижиктин башкызы [Электронный ресурс] // Шын. 2020, 30 октября. URL: <https://shyn.ru/novosti/sn-tyva-bizhiktin-bashkyzy/> (дата обращения: 06.06.2024).

«Несмотря на ограниченное время нашего уважаемого Башкы (так называли раньше лам — буддийских монахов, которые духовно поддерживали народ; в настоящее время данное слово употребляется в значении ‘учитель’, ‘наставник’), никто из нас (5–6 аспирантов) не остается без его чуткого внимания»¹,

«Мой рассказ о нем может длиться бесконечно, так как очень много моментов, в которых улавливала нравственные качества моего Башкы для восхищения и подражания ему. И наша совместная работа с Игорем Валентиновичем непосредственно связана с именем Его башкы — великого тюрколога Владимира Михайловича Надеяева»².

В 2024 г. глава республики В. Ховалыг, вспоминая Народного учителя Тувы Регину Рафаиловну Бегзи в день ее 100-летия, назвал ее «нашей всенародной Башкы»³.

Все эти примеры указывают нам, что понятие *башкы* даже за много десятилетий, когда оно было отнесено к сфере профессиональной деятельности, не потеряло своего первоначального смысла, связанного с идеями наставничества, выходящего за пределы педагогической сферы. И его использование вызывало у тувинцев положительные чувства, эмоции и воспоминания: уважение, почтение, любовь, восхищение, благодарность.

Признание башкы

Мы уже упомянули причины отсутствия внимания этнопедагогики к традиции *башкы*. Скажем несколько слов в целом о гуманитарном научном знании.

Проблема отсутствия внимания научной мысли к этой теме, на наш взгляд, заключается в том, что традиция *башкы* не укладывается в ряд обычных предметов исследования для сформировавшихся в советское время научных дисциплин, которые сами опираются на наследие дореволюционной науки. Для первых исследователей Тувы слово *башкы* было лишь названием лам, формой обращения к ним, то есть связывалось только с религиозными отношениями. Для советской науки слово достаточно быстро было перенесено в название профессиональной деятельности учителей, педагогической профессии. Для этнографов здесь не было особых ритуалов, обрядов, материальных выражений. У традиции *башкы* не было специальных сводов, законов, сформулированных, например, как у Конфуция и отраженных в многочисленных документах, что заинтересовало бы историков, культурологов и пр.

Данная традиция не материальна, не вещественна и выражается лишь в слове — в номинации, с которым люди обращаются друг к другу в определенных ситуациях. Она плохо формализуемая для специалистов в определенных научных полях, и для ее понимания как объекта исследования следует выходить за привычные дисциплинарные рамки. При этом ее невозможно назвать культом, учитывая то, что культом считают религиозное почитание, поклонение (от лат. *cultus*), что опять же нас «уносит» в сферу религиозных отношений.

В самых общих словах это именно традиция в том смысле, что это некий культурный образец, это культурная идея, которая передается от поколения к поколению.

Именно поэтому пока темой заинтересовались только филологи, поскольку они имеют дело с традиционным сюжетом — языковым термином. Аспект же поведения людей при обращении к *башкы* учеными пока не замечается, особенно когда речь заходит о современных социокультурных практиках.

Тем не менее, на наш взгляд, традиция эта значима и многогранна для тувинской культуры. И изучать ее (как и другие подобные традиции, не имеющие ритуальных, обрядовых форм) можно, рассматривая ее как концепт культуры, причем не с тех позиций, которые распространены в российской лингвокультурологии (см.: Ламажаа, 2023: 8–12), а в нашей интерпретации, названной нами

¹ Монгуш У. Поклон Башкы. Письмена на камнях не сотрешь... [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2021, 30 июля. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/poklon-bashky-pismena-na-kamniakh-ne-sotriosh/> (дата обращения: 06.06.2024).

² Там же.

³ Владислав Ховалыг: «Сегодня мы вспоминаем Народного учителя Тувы Регину Рафаиловну Бегзи. Педагогу, ученому, уважаемой Башкы исполнилось бы 100 лет» [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2024, 2 января. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/vladislav-hovalyg-segodnya-my-vspominaem-narodnogo-uchitelya-tuvy-reginu-rafailovnu-begzi-pedagogu-uchenomu-uvazhaemoj-bashky-ispolnilos-by-100-let/> (дата обращения: 06.06.2024).

концептуализацией этнокультуры (там же: 14–20). Эта традиция выражена в языковом термине (*концепт-словоформа*), содержит глубокий смысл, значения, ассоциации (*концепт-идея*), и побуждает людей данной культуры действовать, взаимодействовать, поступать так, как они понимают этот смысл (*концепт — социальный регулятор*). То есть от поля филологов, культурологов мы переходим к полям культурной и социальной антропологии, применения подходов которых современному тувиноведению так не хватает (см.: Ламажаа, 2016).

Обсудив первые два аспекта концепта *башкы*, обратимся к третьему.

Первое, на что, обращает внимание использование данного слова, это принятие людьми идеи иерархии отношений, причем в направлении строго снизу — вверх, не наоборот. Не когда вышестоящий человек требует подчинения и признания своего положения, а когда «нижестоящий» сам подчеркивает, что кто-то другой его превосходит. Именно тогда он произносит «Башкы». Самому себя *башкы* называть у тувинцев не было принято (за исключением случаев, когда речь идет о религиозном деятеле, об этом — далее)¹. Как показывает нам спектр примеров в предыдущем разделе, речь идет именно об обращении ученика к учителю-наставнику в формате понимания его превосходства, признания его статуса и права руководить, наставлять

При этом превосходство это имеет две важнейших стороны: интеллектуальную и духовно-моральную.

Рассмотрим вопрос интеллектуального превосходства. Здесь оно достаточно близко к пониманию другого близкого понятия — *эртем*, который в тувинском языке означает «науку, знание»². Этот термин имеет также свою историю, встречается в тюркских и монгольских языках в значении «знание, мудрость»³. Человек ученый, мудрый соответственно называется *эртемден*.

Понятие *эртем* и его производное прежде всего относятся к сфере профессионального знания, самой научной отрасли и профессии, и особенно они распространились в советское время, когда в Туве появилось всеобщее светское образование, когда появилась своя научная интеллигенция. В «Тувинско-русском словаре» 1968 г. при пояснении термина *эртемден* «ученый» в качестве примера приводится такая фраза *совет эртемденнерниңи чайынналчак ажыдышкыннары* «блестящие открытия советских учёных»⁴. В современной Туве *эртем* и *эртемден* относятся только к сфере науки. В 2004 г. в Туве была создана общественная организация «Эртем». Как указано в ее уставной документации, целью ее является организация временных научных коллективов ученых для работы над социально значимыми для Тувы проблемами; содействие социально-экономическому, культурному и духовному развитию общества; защиты гражданских, экономических, социальных, культурных и политических прав и законных интересов ученых Республики Тува и пр. (Анайбан, 2009: 128). Организация до сих пор существует, но, судя по сообщениям в СМИ, достаточно формально. Помимо нее появились и другие объединения, в частности, Совет молодых ученых и специалистов Республики Тыва, проводящий свои мероприятия, в частности конференцию «Аныяк эртем» («Молодой ученый»)⁵.

Отношение тувинцев к *эртемден* также можно назвать уважительным, почтительным, но оно не увязывается с иерархией отношений обращающегося подчиненного человека к своему авторитету. Чаще всего самих ученых-*эртемден* называют *башкы* их ученики (студенты, аспиранты, докторанты, младшие научные сотрудники) — *эртемден башкы*⁶. Очевидно, что сами ученые *эртемден* встроены

¹ Хотя, надо сказать, что сегодня в тувинской части Интернета, например, в социальной сети ВКонтакте появились профили, подписанные с использованием слова «башкы», когда люди стали себя сами позиционировать: «Ондар башкы», «Башкы физрук», «Мерген-башкы Кыргыз» и пр. Полагаем, что здесь люди опираются на значение термина как профессионала.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. Изд. 2-е. Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2014. С. 618.

³ Erdem [Электронный ресурс] // The Etymological Dictionary of Contemporary Turkish. URL: <https://www.nisanuansozluk.com/kelime/erdem> (дата обращения: 12.09.2024).

⁴ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. Изд. 2-е. Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2014. С. 618.

⁵ Молодых исследователей Тувы приглашают на научно-практическую конференцию «Аныяк эртем» («Молодая наука») [Электронный ресурс] // ИА «Туваонлайн». 2022, 12 сентября. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2022/09/12/molodyh-issledovateley-tuvy-priglashtayut-na-nauchno-prakticheskuyu-konferenciyu-anyyak-ertem-molodaya-nauka.html> (дата обращения: 12.09.2024).

⁶ Например: Монгуш Ш. Эртемден башкы [Электронный ресурс] // Шын. 2022, 9 июля. URL: <https://shyn.ru/medeeler/ertemden-bashky/> (дата обращения: 12.09.2024).

в более широкую традицию *башкы*, в такую иерархию отношений, которая выходит за рамки только профессиональной иерархии должностей и статусов.

Скажем несколько слов о *башкы* — религиозных учителях, служителях культа. В связи с возрождением в Туве традиционных религий, в том числе развитием шаманизма и буддизма, воспроизводством в республике священнослужителей (Тензин, 2018: 88–91), слово снова вернулось в свою традиционную «среду». Это отразилось и на его словарных трактовках. В «Толковом словаре тувинского языка» 2003 г. *башкы* дается сначала первое определение «служитель культа, лама» и только потом уже второе — «учитель, преподаватель, педагог, наставник»¹.

Причем, как пишет С. С. Ооржак, в религиозной сфере слово функционирует не только как обращение, но и как приложение к имени, подчеркивая, очевидно, статус религиозного авторитета, которое при переводе на русский язык может опускаться: «Чырыткылыг XIV Далай-Лама башкы» 'Его святейшество Далай Лама XIV', «Геше Джампа Тинлей башкы» 'Геше Джампа Тинлей' (Ооржак, 2019: 47).

Автор также указывает на расширение использования слова *башкы* в последние годы и на среду шаманов:

«Наряду с выражениями хамга кирер 'зайти к шаману', хамга баар 'пойти к шаману' говорят хам башкыга кирер 'зайти к шаману-учителю', или хам башкыга баар 'пойти к шаману-учителю'. В устной речи часто в шаманских обществах используют слово башкы: Кайы башкыга кирер силер? 'Кому зайдете? (букв.: какому учителю зайдёте?)'; Башкы кижы хулээп тур 'Учитель (шаман) принимает посетителя (букв.: человека)'; Башкы хосталы берди 'Учитель (шаман) освободился'» (там же).

Функционирование слова *башкы* в религиозной сфере побуждает нас перейти к стороне духовно-морального превосходства, которое содержится в семантике этого термина. Причем речь не идет о превосходстве как некоем социальном положении, речь идет о признании за человеком качеств, позволяющих его считать наставником, превосходящим другого своими знаниями и опытом. Как подчеркивает Ю. Ю. Эрендженова, сами тибетцы под «ламой» понимают квалифицированного религиозного учителя, обладающего совершенными знаниями и духовными реализациями (Эрендженова, 2019: 129). Поэтому сама идея наставничества содержит в себе больше, чем идею только интеллектуального превосходства. Здесь важен и аспект морального авторитета, жизненного опыта, которые важно передавать другому человеку — ученику, а тот должен иметь «безграничную веру» в своего учителя (там же).

В этом смысле в тувинском языке присутствуют такие сокращенные имена с приставками *башкы*, которые далеко не всегда связываются только с религиозными практиками. Они скорее универсальны для определения людей, которые получили в народе статус *башкы* благодаря своей учености, многолетней деятельности, в том числе просветительской, наставнической. Например: известный целитель *Серенот башкы* (см.: Ламажаа А., Ламажаа Ч., 2018: 99), популярный в народе лама-просветитель *Буян башкы*².

Смысл духовно-морального превосходства также сохранился в тувинском концепте *башкы* и влияет на поведение учеников в присутствии учителя. Признавая его авторитет, тувинцы не склонны подвергать сомнению слова *башкы*, его знания. Они ему подчиняются, не перечат, не сомневаются в его словах.

Это определенным образом затрудняет педагогическую работу по воспитанию в учащихся самостоятельности и особенно критического мышления, которое считается отправной точкой творческого мышления, вмещает в себя идею воспитания лидеров и во многом базируется на способности к самостоятельности (Тихонова, 2018).

Нам не приходилось встречать научных публикаций педагогов на эту тему, за исключением небольших методических текстов по общим вопросам формирования критического мышления учащихся начальных школ. Поэтому обрисовываем данную ситуацию в качестве предварительного материала для последующих исследований.

¹ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I. А–Й. С. 232.

² Черкасова И. Тензин Чимба (Буян Сандык): «Все мы одинаковы. Все страдаем. Все хотим счастья» [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2004, № 7. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2004/7/1481-tenzin-chimbabujan-sandyk-vse-my.html> (дата обращения: 12.12.2024).

Так, мы обратились с вопросами к нескольким педагогам, постоянно работающим в высшем образовательном учреждении Тувы — Тувинском государственном университете — с просьбой описать свои впечатления об особенностях поведения тувинских студентов на занятиях, в повседневной учебной жизни. Как нам сообщили коллеги, в целом, группы с разным этническим составом студентов не сильно различаются между собой, гораздо больше различий между учащимися разных специальностей и/или горожанами и сельчанами. Однако, при описании особенностей студентов-тувинцев коллеги чаще всего использовали две характеристики: «послушные» и «застенчивые». Выполнение творческих задач, «мозговые штурмы», дискуссионные занятия происходят в разных группах без существенных особенностей. Тем не менее, ребята могут критиковать друг друга, показывать творческое мышление, но при этом не хотят критиковать педагога. Даже если и есть желание негативно оценить своего преподавателя, то студенты предпочитают это делать не «в лицо», а за его спиной, между собой или, в крайнем случае, другому педагогу, или руководству факультета, при этом прося об анонимности слов.

Послушность и застенчивость, на наш взгляд, здесь не случайны. Эти состояния психики и обусловленное ими поведение человека органически укладываются в общие характеристики политической культуры тувинского населения — послушания и подчинения вышестоящим людям, о чем нам приходилось ранее писать (Ламажаа, 2008). И хотя мы описывали эти характеристики, говоря о вертикальной системе отношений в социальной иерархии, связанной с политическим и религиозным управлением в обществе, тем не менее, очевидно, что установка на подчинение распространяется и другую вертикальную систему отношений — с тем, кого ты сам добровольно признаешь превосходящим себя человеком. Безусловно, речь идет не о какой-то особой тувинской специфической черте, это весьма известная, распространенная культурная особенность, присущая практически всем восточным, азиатским культурам.

Интеллектуальное и духовно-моральное превосходство, которое признается за людьми, называемыми *башкы*, формирует дополнительную сторону в иерархии социальных отношений, в которой развилась культура личных отношений между теми, кто признает превосходство одних над собой и подчиняется им, и их наставниками. Это не иерархия социальных позиций, это *дополнительная социальная иерархия, основанная на добровольности*, безотносительно признака возраста (как мы видели, иногда *башкы* может оказаться моложе своих «учеников»). Тем не менее, эта иерархия отношений дополняет существующие традиции политической культуры общества.

Практически все сказанное выше связывалось только с позитивными сторонами традиции (уважение, почитание, лучшие воспоминания, радость от обращения и пр.). Есть ли у этой традиции негативные стороны?

Наш коллега, профессор Ю. В. Попков из Института философии, социологии и права СО РАН (г. Новосибирск) поделился своими впечатлениями о работе с тувинскими студентами в период, когда он читал лекции по философии в Тувинском госуниверситете на историческом факультете с 1999 по 2006 г. Он отметил, что также был удостоен чести называться *башкы*, причем его так именовали только тувинские студенты. При этом, сообщил он нам, некоторые использовали обращение *башкы* как своего рода хитрость:

«Они (студенты. — Авт.) начинали делать вид, что приехали из села, плохо знают русский язык, поэтому не могут выразить свои знания. Мне кажется, что и тогда некоторые специально дополнительно использовали обращение *башкы* (“Башкы, я плохо говорю по-русски”...). Я это интерпретирую так, что они выказывали уважительное отношение и одновременно немного хитрили»¹.

Кроме того, можно сказать, что традиция подчинения *башкы*, в которой есть иерархия отношений, теоретически имеет основу для возникновения властных отношений одних над другими, когда одни начинают управлять другими, подчиняя своей воле. Но, как уже было сказано, добровольность признания превосходства «учеников» перед своими наставниками не позволяет этой основе разрастись до жестких социальных связей. *Башкы* считается только тот, кого сами ученики признают. Если он не отвечает ожиданиям, перегибает палку, то он просто перестанет считаться истинным наставником, он переходит в разряд плохих профессионалов, он теряет статус и «ореол» *башкы*.

¹ Из личной переписки с авторами статьи в сентябре 2024 г. (приводится с разрешения автора цитаты).

Тот факт, что признание *башкы* может считаться и некоей наградой как раз позволяет скорее самими признающим лукавить, хитрить, пытаясь польстить тому, кто не только учит, но и оценивает знания, экзаменует.

Этот «низовой характер» выстраивания социальной иерархии отношений, а также отсутствие материальных причин для корысти, пожалуй, и не позволяют традиции вырождаться в очередную схему властных отношений со всеми негативными сторонами. Здесь можно вспомнить геополитическое понятие «мягкой силы» (*soft power*), которой характеризуется комплекс внешнеполитических методов и инструментов, предполагающих способность влиять на другие государства и добиваться желаемых результатов через сотрудничество и формирование положительного образа стороны влияния (Нье, 1990). Традиция признания *башкы* тоже имеет характер «мягкой силы», которая не соотносится с идеями принуждения и, в целом, силы, доминирования.

Башкы считается, признается тот, чьи намерения и действия направлены на то, чтобы ученики совершенствовались интеллектуально, росли и преуспевали духовно, морально. И когда люди произносят *башкы*, они признают ценность такого управления собой, ведения себя к лучшему, подчиняются этому управлению добровольно. Поэтому люди, признаваемые *башкы*, испытывают чувство радости, порой даже смущения от того, что «награждаются» данным статусом.

Заключение

Таким образом, мы полагаем, что традиция *башкы* незаслуженно была обойдена вниманием тувиноведения, в целом гуманитарного научного знания. Есть определенные исторические и научные причины сложившейся ситуации, которые мы отметили в своем исследовании. Традиция *башкы* не имеет обрядовой, ритуальной формы, она не имеет конкретных источников, и даже самой традиции обсуждения ее. Она четко выражена лишь в языковом термине. И учитывая ее тесную связь с религиозно-культурной деятельностью, не удивительно, что в советское время была попытка нивелировать данную традицию, перекавалифицировав значение языкового термина. Однако, несколько десятилетий не смогли искоренить исконное значение концепта — понимание тувинцами *башкы* как наставника в широком смысле слова, почитание его, уважением, признанием за ним превосходства интеллектуального и духовно-морального.

Чтобы проанализировать данную традицию в тувинской культуре, в том числе ее эволюцию в XX в., мы опирались на тот методологический подход, который позволяет исходить из наличия в лингвокультуре концепта. Он может исследоваться не только в языке, но и в идеях, ценностях культуры, а также в социокультурных практиках, социальных отношениях. И мы полагаем, признание *башкы* как концепта как нельзя лучше позволяет выявить эту традицию, очертить ее формы, идеи, ассоциации и регулятивные функции.

Подчеркнем, что в данном случае речь идет о предварительном пути анализа, поскольку, на наш взгляд, тема достойна быть развитой всем богатством аспектов в большом исследовании культуры наставничества у тувинцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (2009) Политические и общественные объединения Республики Тува на современном этапе // Институты гражданского общества в Сибири (XX — начало XXI в.). / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск : Изд-во Новосибирского госуниверситета. 182 с. С. 125–137.

Бабкова, М. В., Коляда, М. С. (2024) Учитель и ученик в «Собрании стародавних повестей» // Японские исследования. № 2. С. 6–20. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-2-6-20>

Будегечиева, Т. Г. (2018) Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл : Издательство ТувГУ. 115 с.

Бурыкин, А. А. (2020) Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 189–209. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>

Волков, Г. Н., Салчак, К. Б., Шаалы, А. С. (2009) Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл : Изд.-полиграф. отдел «Билиг». 212 с.

Дамба, Н. Ч. (2016) Красс Байыр-оолович Салчак — основоположник этнопедагогических исследований в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. № 4. С. 182–188.

Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М. : Издательство Академии наук СССР. 609 с.

Жанцанова, М. Г., Дагбаев, Д. Э. (2019) Концепт «учитель» в современной лингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. № 2. С. 32–36.

Закурдаев, А. А. (2012) Школа и школьник в китайской концепции образования: традиции и современность // Этнографическое обозрение. № 5. С. 104–118.

Кононов, А. Н. (1958) Родословная туркмен. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР. 284.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2008) Политическая культура Тувы // Полис. Политические исследования. № 4. С. 48–54.

Ламажаа, Ч. К. (2016) Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // Новые исследования Тувы. № 2. С. 32–51.

Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Ламажаа, А. М., Ламажаа, Ч. К. (2018) Тувинский целитель Станислав Кужугетович Серенот // Новые исследования Тувы. № 4. С. 93–111. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.5>

Ламажаа, Ч. К., Туймебаев, Ж. К., Шагимгереева, Б. Е. (2024) «Люди Центра Азии» как научный источник // Новые исследования Тувы. № 1. С. 39–54. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3>

Марков, Д. Є. (2021) “Рангджунг еше” в Україні: тибетська буддійська традиція, адаптація, ідентичність та український контекст (на прикладі громад Києва і Львова) // Східний світ. № 4 (113). С. 77–96. DOI: <https://doi.org/10.15407/orientw2021.04.077>

Мартынов, А. С. (2001) Конфуцианство. «Лунь юй» : в 2 т. СПб. : Петербургское востоковедение. Т. 1. 368 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Недземковская, Г. В. (2011) Зарождение и развитие этнопедагогики. М. : Эдитус. 307 с.

Ооржак, С. С. (2019) Слово «башкы» в тувинском языке // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 3. С. 42–49.

Салчак, К. Б., Салчак, Л. П. (1984) Развитие тувинской народной педагогики. Кызыл : б. и. 228 с.

Салчак, К. П., Салчак, Л. П. (2016) Тыва улусчу педагогиканың хөгжүлдеси = Развитие тувинской народной педагогики. 2-е изд. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 228 с. (На тув. и рус. языках).

Соломатина, М. Н. (2020) Больше чем учитель: особенности вербализации концепта учитель в китайской лингвокультуре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 2. С. 92–99.

Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. 1. А–Б. 341 с.

Тензин, Ч. М.-Х. (2018) Буддизм в духовной жизни тувинского общества // Вестник Бурятского государственного университета. № 3. С. 87–83.

Тихонова, В. Л. (2018) Формирование критического мышления — основа воспитания лидерских качеств студенчества // Манускрипт. № 10 (96). С. 92–95. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.17>

Тува: Родная земля (2023) / Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Турсунов, Е. Д. (1999) Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау. Астана : ИКФ «Фолиант». 252 с.

Хомушку, О. М. (2024) Религии в Туве: история и современность. Новосибирск : Наука. 176 с.

Эрендженова, Ю. Ю. (2019) Духовный учитель как универсалия тибетской буддийской культуры // Вестник Калмыцкого государственного университета. № 2. С. 128–134.

Нye, J. (1990) Bound to lead: The changing nature of American power. New York : Basic Books. 307 p.

Дата поступления: 12.11.2024 г.

Дата принятия: 11.12.2024 г.

REFERENCES

- Anayban, Z. V. (2009) Political and Social Associations of the Republic of Tuva at the Present Stage. In: *Institutions of Civil Society in Siberia (XX— Early XXI Centuries)*. Ed. by V. I. Shishkin. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publishing House. 182 p. Pp. 125–137. (In Russ.)
- Babkova, M. V. and Kolyada, M. S. (2024) Teacher and Student in “The Collection of Ancient Tales”. *Japanese Studies*, no. 2, pp. 6–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-2-6-20>
- Budegechieva, T. G. (2018) *Tuvan Culture: Material and Spiritual, Traditions and Innovations*. Kyzyl, TuvGU Publishing House. 115 p. (In Russ.)
- Burykin, A. A. (2020) Buddhist Motifs in Folklore (Based on Kalmyk, Tuvan, and Buryat Epic and Heroic Tales). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 189–209. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>
- Volkov, G. N., Salchak, K. B. and Shaaly, A. S. (2009) *Ethnopedagogy of the Tuvan People*. Kyzyl, Bilig Printing and Publishing Department. 212 p. (In Russ.)
- Damba, N. Ch. (2016) Kras Baayr-Oolovich Salchak — Founder of Ethnopedagogical Research in Tuva. *Bulletin of Tuvan State University. Pedagogical Sciences*, no. 4, pp. 182–188. (In Russ.)
- Dulov, V. I. (1956). *The Socio-Economic History of Tuva. XIX — Early XX Century*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publishing House. 609 p. (In Russ.)
- Zhantsanova, M. G. and Dagbaev, D. E. (2019). The Concept of “Teacher” in Modern Linguistics. *Bulletin of Buryat State University. Education. Personality. Society*, no. 2, pp. 32–36. (In Russ.)
- Zakurdaev, A. A. (2012). School and Student in the Chinese Concept of Education: Traditions and Modernity. *Ethnographic Review*, no. 5, pp. 104–118. (In Russ.)
- Kononov, A. N. (1958) *The Genealogy of Turkmens*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. 284 p. (In Russ.)
- Kurbatsky, G. N. (2001) *Tuvans in Their Folklore (Historical and Ethnographic Aspects of Tuvan Folklore)*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 464 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2008) Political Culture of Tuva. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 48–54. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2016) Tuvan Ethnicity and Society in Ethnosociological and Anthropological Research. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 32–51. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) Concepts of Culture: Form, Idea, Social Regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Lamazhaa, A. M. and Lamazhaa, Ch. K. (2018) Tuvan Healer Stanislav Kuzhugetovich Serenot. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 93–111. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.5>
- Lamazhaa, Ch. K., Tuimebayev, Zh. K. and Shagimgereeva, B. E. (2024) “People of Central Asia” as a Scientific Source. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 39–54. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3>
- Markov, D. (2021). “Rangjung yeshe” in Ukraine: Tibetan Buddhist tradition, adaptation, identity and Ukrainian context (on the example of the communities of Kyiv and Lviv). *The World of the Orient*, no. 4 (113), pp. 77–96. (In Ukr.) DOI: <https://doi.org/10.15407/orientw2021.04.077>
- Martynov, A. S. (2001). *Confucianism. “Lun Yu”*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. Vol. 1. 368 p. (In Russ.)
- Mongush, M. V. (2001) *The History of Buddhism in Tuva (Second Half of VI — Late XX Century)*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.)
- Nedzemkovskaya, G. V. (2011). *The Emergence and Development of Ethnopedagogy*. Moscow, Editus. 307 p. (In Russ.)
- Oorzhak, S. S. (2019) The Word “Bashky” in the Tuvan Language. *Bulletin of Tuvan State University. Social and Humanitarian Sciences*, no. 3, pp. 42–49. (In Russ.)
- Salchak, K. B. and Salchak, L. P. (1984) *Development of Tuvan Folk Pedagogy*. Kyzyl, s. n. 228 p. (In Russ.)
- Salchak, K. P. and Salchak, L. P. (2016) *Tyva Uluschu Pedagogikanyň Khözhüldezhi = Development of Tuvan Folk Pedagogy*. 2nd ed. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 228 p. (In Tuv. and Russ.)
- Solomatina, M. N. (2020) More Than a Teacher: Features of Verbalizing the Concept of Teacher in Chinese Linguoculture. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, no. 2, pp. 92–99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.17>

- Tatarintsev, B. I. (2000) *Etymological Dictionary of the Tuvan Language* Novosibirsk: Nauka. Vol. 1. 341 p. (In Russ.)
- Tenzin, Ch. M.-Kh. (2018) Buddhism in the Spiritual Life of Tuvan Society. *Bulletin of Buryat State University*, no. 3, pp. 87–83. (In Russ.)
- Tikhonova, V. L. (2018) Critical Thinking Formation as the Basis for Leadership Qualities Development Among Students. *Manuscript*, no. 10 (96), pp. 92–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.17>
- Tuva: Native Land* (2023) / Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D., Kuzhuget Sh. Yu., Mainy Sh. B., and Sanchay Ch. Kh.; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-History. 344 p. (In Russ.)
- Tursunov, E. D. (1999) *The Origin of Baksy, Akyns, Seri, and Zhyrau*. Astana, IKF Foliant. 252 p. (In Russ.)
- Khomushku, O. M. (2024) *Religions in Tuva: History and Modernity*. Novosibirsk, Nauka. 176 p. (In Russ.)
- Erenzhenova, Yu. Yu. (2019). The Spiritual Teacher as a Universal of Tibetan Buddhist Culture. *Bulletin of Kalmyk State University*, no. 2, pp. 128–134. (In Russ.)
- Nye, J. (1990) *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York, Basic Books. 307 p.

Submission date: 12.11.2024.

Acceptance date: 11.12.2024.